

Но такое незначительное происшествие вызвало немалый переполох как во дворце, так и при дворе, а в народе и вовсе поползли самые разные слухи — будто жестокая и коварная императрица У, а командующий Се помогал тирану, и оклеветанная, казнённая во дворце низложенная наложница Сяо утащила его в воду, едва не сделав подменной жертвой; будто императрица У действует против устоев, командующий Се служит приспешником тирану, и оклеветанные, казнённые в тюрьме Чжао честные чиновники явились среди ночи требовать душу, едва не отправив его в чертоги Яньло...

— Меняют отвар, но не лекарство, — Се Юнь перевернул страницу в свитке. — Так было, когда У возводили в императрицы, так было, когда назначали наследного принца, и так же теперь с жертвоприношением на горе Тайшань. Всякая ненависть в мире имеет причину, это всего лишь слухи, не стоит обращать внимания.

С того вечера, когда он упал в воду, Се Юнь больше не появлялся во дворце, однако посетители, навещавшие больного, шли волна за волной — почти половина чиновников Чанъани отметилась визитом. Даже те, кто не пришёл лично, прислали подарки.

А слухи, распускаемые той половиной, что не явилась и подарков не прислала, тоже долетели до ушей Се Юня, и он лёгким движением кисти обводил кружком имена рядом с фамилиями.

Дань Чао стоял рядом и видел, как одно за другим имена в реестре чиновников Чанъани обводились тушью. Се Юнь, указав на первые несколько имён вверху, неспешно произнёс:

— Помощник секретаря Восточной палаты Чжан Вэньгуань, который по императорскому указу сверял и редактировал книги четырёх разделов, его величество намерен назначить его ответственным за дела левого историографа. Заместитель министра Западной палаты Дай Чжидэ, племянник покойного первого советтеля Дай, ныне исполняющий обязанности левого главного защитника наследного принца, в будущем непременно войдёт в кабинет и станет канцлером...

Дань Чао с сомнением спросил:

— Почему ты их обводишь?

Се Юнь с серьёзным видом ответил:

— Раньше меня поливали грязью.

Дань Чао...

— В конце прошлого года во дворце был пир, сановники пили вино и беседовали, как вдруг его величество спросил меня: «Почему Пуян называют Дицю?» В тот момент я как раз поперхнулся глотком вина, ещё не успел открыть рот, а заместитель министра Дай сказал: «Потому что в древности там проживал Чжуаньсюй, поэтому и называют Дицю. Хотя командующий Се и достиг совершенства в искусстве фехтования, в груди у него нет знаний, что искренне стыдно для нашего сердца», — имея в виду, что я невежда, простодушный, развитый физически, но не умственно.

Се Юнь положил кисть и кивнул в сторону чайной пиалы.

Дань Чао в душе немного сопротивлялся, но с его угла зрения чуть приподнятый внешний уголок глаза Се Юня образовывал у виска очень... такую дугу, которую неопытный молодой человек вроде Дань Чао не знал, как описать. Он смотрел некоторое время, и сам не понял как,

но послушно налил чашку горячего чая и протянул её в холодные ладони Се Юня.

Се Юнь усмехнулся:

— Вот если бы ты сразу был таким понимающим и внимательным, всё было бы хорошо.

— ... — Дань Чао бесстрастно произнёс. — Ученик должен служить учителю, это должное.

Се Юнь фыркнул:

— Кто тебе учитель?

Дань Чао вздохнул и, указывая на реестр чиновников, спросил:

— Эти люди — из партии Восточного дворца?

— Естественно.

— Раз императрица посмела убить даже наследного принца, почему бы просто не убить их?

— Естественно, нельзя.

Дань Чао слегка прищурился.

Се Юнь отпил глоток горячего чая и закрыл реестр чиновников:

— У императрицы три... нет, четыре сына. Не стало наследного принца — можно заменить другим. А эти старики, полные ритуалов и морали, хотя и создают тебе повсюду трудности, придираются, хотели бы поднять придворные таблички и забить тебя до смерти, но трогать их нельзя, потому что управлять страной ещё зависит от них.

Они не похожи на кланы Гуаньлун тех лет, не угрожают самой основе императорской власти, в конечном счёте всё, что они делают, — ради государства и алтарей земли и зерна. Убивать — просто, но что после убийства? Толпа подхалимов воспеваает заслуги, что ещё хуже, чем противостояние способных министров при дворе. Занимающий высокое положение должен терпеть инакомыслящих — в этом и заключается принцип.

Дань Чао вдруг осознал, что Се Юнь, кажется, очень любит читать ему лекции, пространные и длинные, на первый слух кажущиеся полными бюрократической карьерной суеты, но иногда поражающие пронизательностью.

В противоположность этому, Се Юнь никогда не учил боевым искусствам, да и сам, похоже, не тренировался. После возвращения из Поместья Ковки Мечей он больше не обнажал меч и, кажется, чрезвычайно боялся холода — уже в глубокую осень кутался в плащ с меховой оторочкой.

Дань Чао в задумчивости смотрел на него. Се Юнь мягкими кончиками пальцев небрежно провёл по пожелтевшему козьему пергаменту реестра чиновников и спросил:

— Понял?

— Понял.

— Что понял?

— В животе у канцлера можно разместить лодку, ради государства, хотя некоторые и раздражают, убивать их нельзя.

— Верно, — уголки прекрасно очерченных губ Се Юня приподнялись. — Но я учу тебя не пути канцлера.

— Занимающий высокое положение, но не канцлер... Тогда кто же?

Се Юнь не стал объяснять, вдруг с живым интересом повторил:

— Эти старикашки создают тебе трудности, придираются, часто замышляют, как бы тебя прикончить... Хотя ты и раздражён, но ничего не можешь поделать...

Потому что ешь его, пользуешься его вещами, живёшь у него, если выведешь из себя — выгонят спать под мостом...

Дань Чао...

Дань Чао серьёзно спросил:

— Сколько ты хочешь, учитель?

Се Юнь, кажется, нашёл это забавным, склонил голову, оглядывая Дань Чао с ног до головы, во взгляде — оттенок оценки, словно рассматривал товар на предмет ценности.

— Ладно, в тебе всё же есть потенциал для вложений, — небрежно бросил он. — Через несколько лет, когда добьёшься успеха, не забудь оставить учителю чашку риса.

Дань Чао покачал головой и усмехнулся, не придав значения. Как раз в этот момент вошла служанка пригласить к ужину, и он повернулся, чтобы выйти из кабинета.

У двери он внезапно снова остановился, обернулся и, глядя на Се Юня, сказал:

— Ты не стар, учитель.

Се Юнь как раз возвращал реестр чиновников на книжную полку, услышав, замер, затем рассмеялся:

— Да, учитель просто скромничает, не принимай всерьёз.

Дань Чао временно поселился в доме Се, и «временно» затянулось больше чем на полмесяца.

Кроме дома Се, ему было некуда идти, да и нельзя было — потому что на следующий день после происшествия во дворце императрица прислала человека с высокопарными речами похвалить Се Юня, восхвалить его преданность государю и любовь к родине, усердие в царских делах, а также восхвалить Дань Чао за героическое спасение, проникательность и бдительность. Хотя на поверхности это было утешение использованного командующего Се, в конце сквозило её истинное намерение: раз Дань Чао — твой человек, пусть честно остаётся в доме Се, пока я не приму решение.

К счастью, сейчас у императрицы У не было сил принимать решение. Через несколько дней императорский кортеж должен был отправиться в Восточную столицу Лоян, с огромной свитой в десятки тысяч чиновников и охраны, через Хэнань, направляясь к горе Тайшань.

В тот день в доме Се было непривычно тихо, за ужином сидели только Се Юнь и Дань Чао, блюда расставляла лично управительница служанок — позже Дань Чао узнал, что её прислала императрица У из дворца, зовут Цзиньсинь. По этой причине Дань Чао всегда держался от неё почтительно, но на расстоянии, однако Цзиньсинь, казалось, очень нравился Дань Чао, каждый раз при встрече прикрывала рот рукой и смеялась, взгляд её перетекал, словно храня множество невысказанных слов.

Цзиньсинь после полудня специально велела приготовить чашу вегетарианской «утки», вечером, когда подавала, рука её дрогнула, она взяла чашу с остатками супа перед Дань Чао и переставила перед Се Юнем, а ароматную, нежную, свежую и сладкую фаршированную вегетарианскую «утку» поставила на место супа.

Се Юнь, который вяло потягивал кашу, увидев это, слегка удивился:

— Кто твой господин?

Цзиньсинь рассмеялась:

— А если бы это был мой господин? Командующий и так не любит это блюдо, разве нельзя позволить съесть тому, кто любит?

Дань Чао почесал нос и отвел взгляд, но Се Юнь, казалось, нашёл это забавным:

— Раз ты его так любишь, я позволю тебе прислуживать ему, как насчёт?

Такие слова он произносил уже несколько раз, но каждый раз в шутку, и никто не воспринимал всерьёз. Цзиньсинь также звонко рассмеялась, подобно лёгкому колокольчику, сделала книксен и изящно вышла.

В отличие от Се Юня, Дань Чао каждый вечер ложился очень рано и просыпался очень рано — это была строгая, даже суровая привычка, выработанная за годы аскетической практики в храме.

Потушив свет, он быстро заснул, однако вскоре какой-то нерв внезапно напрягся в подсознании, Дань Чао открыл глаза, сел на кровати и, с силой, способной расколоть гору, прямо потянулся к ложу, чтобы схватить!

Бам!

Изящный силуэт едва увернулся, пояс одежды развеял в комнате благовония, затем раздался лёгкий женский голос:

— Господин, не пугайтесь, это я.

Брови Дань Чао резко сдвинулись.

Это была Цзиньсинь!

К счастью, в последний момент он отвел руку, иначе нежная женская глотка уже была бы переломана надвое.

Цзиньсинь, смеясь, похлопала себя по груди. Комната была полна лунного сияния, она грациозно стояла у ложа, сквозь лёгкую газовую ткань просвечивала снежно-нежная кожа, и такое движение обрисовало соблазнительные линии груди. Её водопадные волосы и одежда

источали тонкий аромат, опьяняющий, проникающий в кости, сводящий с ума, способный заставить сердце любого нормального мужчины в этом мире трепетать.

<http://bllate.org/book/15578/1387231>